П. БЕЗСОНОВ

О СОБИР. и ИЗД.
ПАМЯТНИКОВ
НАРОДН. ПЕСНОТВОРЧ."

П. Бессоновъ.

КЪ ВОПРОСУ
О СОБИРАНІИ И ИЗДАНІИ
ПАМЯТНИКОВЪ
„НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА“.

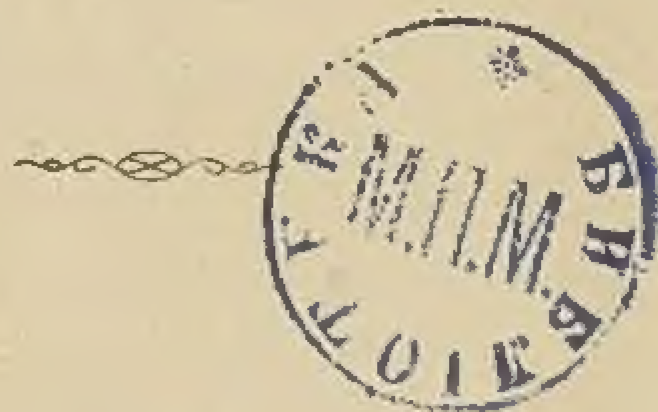
МОСКВА

—

1896.

П. Безсоновъ.

КЪ ВОПРОСУ
О СОБИРАНІИ И ИЗДАНІИ
ПАМЯТНИКОВЪ
„НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА“.



МОСКВА
Въ Университетской типографіи.
1896.

Дозволено цензурой. Москва, 2 ноября 1896 г.

Продолжается ли ихъ „собираніе“ понынѣ и въ какомъ видѣ (особыя на то „экспедиціи“).—Ведется ли ихъ „изданіе“, успѣшно ли и приноситъ ли пользу.—Обильное собраніе, еще *неизданное*, въ рукахъ *Безсонова* и совершенный почти *расходъ изданнаго имъ* въ продажѣ; сложившееся о томъ мнѣніе или даже забвеніе въ литературѣ.

„Собираются“ ли памятники народнаго пѣснотворчества, то - есть отыскиваются ли намѣренно, выслушиваются ли и записываются ли изъ устъ самого народа, со словъ его и съ голоса, для сохраненія и всеобщаго достоянія, хотя кѣмъ - либо и кое-гдѣ по мѣстамъ, по мѣрѣ усердія и возможности? Да, слава Богу. Въ цѣляхъ собиранія и сбереженія, съ недавняго времени снаряжаются даже особыя нарочныя „экспедиціи“, конечно, обѣщающія успѣхъ, и мы первые ото всей души привѣтствуемъ такое отрадное явленіе.

„Издается“ ли собранное, какъ и съ какимъ успѣхомъ? Сравнительно съ существующимъ „матеріаломъ“, изданіе идетъ *медленно* и *туго:* конечно, всего ближе—отъ недостатка денежныхъ средствъ и частію отъ недостаточной предпріимчивости, направленной въ эту область; усердныя жертвы расходовъ приносятся безъ возврата потраченному капиталу, и то служатъ удѣломъ лишь немногихъ, трехъ-четырехъ собирателей-спеціалистовъ, да развѣ десятка какихъ-нибудь „любителей—аматёровъ“. За этими рѣдкими исключеніями, остальныя изданія по большей части *плохи*, совершаются *на скорую руку* и какъ одинъ *сырой матеріалъ.*

Рѣзче всего выдается здѣсь отсутствіе всякаго *изученія*: при единичныхъ, частныхъ образцахъ, не имѣютъ въ виду и даже не хотятъ знать цѣльной ихъ области, ни происхожденія и мѣстнаго округа въ употребленіи, ни вообще „исторіи“ этого громаднаго дѣла, его прошлаго и послѣдовательной ступени донынѣ; а

потому, разумѣется, не постигаютъ и отличій, ни дѣленія видовъ, ни какого-либо „метода“ въ расположеніи и объясненіи. Отъ того не существуетъ и особой *библіографіи*—изданнаго прежде или свѣдѣній о былыхъ трудахъ *собиранія*; замѣчательно что нѣтъ даже (кромѣ *одной*) никакой порядочной *коллекціи* въ этомъ родѣ, на всю Россію, а подавно и для сроднаго Славянства: изданія *разбросаны* и потому скорѣе теряются изъ виду, становятся скоро и необычайно *рѣдки*. Тѣмъ быстрѣе забывается все *старое*, какъ бы не существовавшее, и даже собиратели хватаются часто за то, что сдѣлано уже ранѣе другими. Историческая нить, соединительная связь, зависимость и симъ самымъ подлинное значеніе образцовъ совершенно утрачиваются. Понятно что плоды подобныхъ скороспѣлокъ, и въ собираніи, и въ изданіи, всего больше на-руку печати и торговлѣ „площадной“, „Никольской“ и „Апраксинской“: ее одну они обогащаютъ и въ

ней красуются *перепечатками, поддѣлкой, фальсификаціей*, смѣшивая народное (какъ масло съ водой) съ куплетами, шансонетками, пикантнымъ стихоплетствомъ и т. д., въ свою очередь портя и самый народъ, и его пѣсню, а съ выкрикомъ „новость-новость" завладѣвая быстрымъ распространеніемъ, царствуя своею дешевизной наравнѣ съ дешовкой и опять тормозя, обезцѣнивая и поневолѣ попячивая назадъ всякое собраніе и изданіе добропорядочное, вѣское и, естественно, болѣе дорогое.

На сколько здѣсь возобладало господство *антиисторическое*, заставляя забывать все старое и прежнее, сдѣланное и законченное въ собираніи и изданіи, тому примѣръ и образецъ *мой* собственный. Съ 70хъ годовъ, и особенно съ 1879 года, по окончаніи изданія „былинъ" и 7го выпуска „Стиховъ духовныхъ" (уже въ Харьковѣ) я болѣе *ничего уже такого не выпускалъ въ свѣтъ*.

Въ большинствѣ, даже литературномъ, предполагаютъ что матеріалъ

мой весь уже *истощенъ*, собраніе этимъ *ограничено* и *закончено*, дальнѣйшее изданіе уже не предстоитъ и не требуется. А между тѣмъ въ этомъ завѣтномъ дѣлѣ всей моей жизни и въ самомъ „священномъ“ для меня предметѣ дѣятельности выполнена лишь *четверть*,—коллекція налицо и въ рукахъ моихъ полнѣе *вчетверо* противъ того, что общеизвѣстно; для изданія ожидаются впереди томы *десятками*.

Позволю себѣ перечесть здѣсь *составъ* моего собранія, въ его частяхъ еще *не отпечатанныхъ*, въ краткомъ обзорѣ и въ связи съ тѣмъ, что прежде мною издано. Это будетъ вмѣстѣ литературнымъ очеркомъ всего того, что входитъ *въ область и объемъ* нашего устнаго, словеснаго пѣснотворчества и, помимо самого народа, до сихъ поръ мало извѣстно нашему обществу и его наукѣ съ достаточною опредѣленностью.

I.

Литературный обзоръ содержанія и значенія, родовъ и видовъ устнаго народнаго пѣснотворчества. Собранное или изданное изъ него Безсоновымъ. „Стихи" (духовные), „устные" и потомъ „письменые", Старшіе и Младшіе.; „Былевые": „Нравственные": записанные съ пѣнія или котныя по рукописямъ.—„Семейные" и „Домашніе". — Особый видъ — „Псальмы"; „Канты-Кантычки" .— Псальмы въ устахъ слѣпцовъ Малорусскихъ.

1) Изъ отдѣла „Духовныхъ *Стиховъ*" (техническое названіе въ народѣ), съ дѣтства привлекавшихъ особенно мое вниманіе и со временемъ составившихъ мою спеціальность, выданы въ свѣтъ *шесть* выпусковъ (томиковъ) со стихами преимущественно *Былевыми* (эпически - историческими и почти исключительно „устными"), съ изображеніями пѣвцовъ и пѣвицъ, нотами и т. п., руководящими статья-

ми моими и кн. В. Ѳ. Одоевскаго). Средства для изданія получились благодаря особенно „приглашенію къ участію", которое печаталось въ *Днѣ* у И. С. Аксакова, главнымъ же образомъ отъ щедраго Высочайшаго дара—Государя Александра Николаевича и еще болѣе Государыни Маріи Александровны, Которой и посвятилъ я томы, и былъ осчастливленъ самымъ искреннимъ, теплымъ Ея *нравственнымъ участіемъ*. Она распространяла вниманіе къ изданію даже въ высшихъ придворныхъ сферахъ: къ немалому ихъ изумленію передъ произведеніями „нищихъ", „калѣкъ перехожихъ". Маленькія мои средства, *собственныя*, дополнили собою предварительную подписку. Но, уже и въ теченіе самаго печатанія, я продолжалъ *вновь* записывать подобные и частію новые „образцы" или варіанты, получая постепенно на имя собирателя, по довѣрію къ нему, присылки отовсюду, такъ что, вскорѣ, прежніе томы выросли *вдвое*, а затѣмъ настоятельно требовалось уже

изданіе *второе*, тѣмъ болѣе нынѣ, когда прежнее все разошлось и, сдѣлавшись рѣдкимъ, за границей же возбудивши общее, литературное и научное вниманіе, достигло высокой цѣны (въ 30 руб. и дороже).

Покусившись издавать далѣе (послѣ „Стиховъ „Былевыхъ Старшихъ"), уже по переѣздѣ въ Харьковъ началъ я печатать Стихи „О смерти, мытарствахъ и судѣ, вѣчной жизни", такъ-называемые „Покаянные, Умиленные, Заповѣдные, Переходные" и т. п., поддержанный въ предпріятіи Высочайшимъ даромъ нынѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны и посвященіемъ Ей, въ память покойной Государыни Маріи Александровны. На эти средства въ Москвѣ отпечаталъ я (почти до конца) *7й выпускъ*, предназначенный къ выходу вмѣстѣ съ 8мъ и 9мъ, которые, однако, *остановились* и въ свѣтъ не вышли, такъ какъ мои собственныя средства были недостаточны для того, да и самъ я, по службѣ, поглощенъ былъ уже другими занятіями. Между

тѣмъ, сверхъ заботившаго меня повторенія и продолженія изданій, въ составѣ и планѣ *прежнемъ*, чрезъ текущее собираніе и новые вклады, матеріалы мои пополнились новыми, иногда и нежданными, *областями* и *видами* произведеній, не только не вошедшими въ мое прежнее собраніе, но большею частію даже неизвѣстными пока литературному міру (помимо уже тѣхъ пріобрѣтеній или открытій, о которыхъ аккуратно сообщалъ я въ отпечатанныхъ выпускахъ). Таковы:

а) Стихи „*Письменные*" (не прямо изъ устъ народа, а по нашему „сочиненные творчествомъ „личнымъ"), или же записанные *въ старину*, болѣе-менѣе отдаленную, съ XVI вѣка, уцѣлѣвшіе *по рукописямъ*, на половину *нотнымъ* и, что̀ замѣчательно, еще „крюковымъ" (и прежде уже извѣщалъ я что въ моемъ собраніи есть рукопись, „распѣтая" на крюкахъ и нотныхъ „помѣтахъ" знаменитымъ знатокомъ и производителемъ сего рода *Александромъ Мезенцемъ*). Сюда примык-

нулъ особый отдѣлъ, возникшій частью по мѣрѣ движеній въ нашемъ *расколѣ* и нарожденія *сектъ*; онъ уединился въ „ихніе“ пріюты и скиты, а еще болѣе и обширнѣе развился по степени перехода народнаго творчества изъ употребленія публичнаго, со ступеней храмовыхъ, съ торжища и путей богомолья, къ употребленію *внутри*, при очагѣ и подъ кровомъ частныхъ жилищъ, въ Стихи „*Семейные*“ и „*Домашніе*“ или такъ-называемые еще „Богомольные, Душевные, Поучительные, Наказательные“ и т. п., уже рѣдко на нотахъ, а распѣвавшіеся или единично за сидячею работой, или сообща, хорами, при бесѣдахъ. Ярко и въ высшей степени любопытно выразилось здѣсь „нравственное“ и „бытовое“ міросозерцаніе народа, углубившагося въ *самого себя*, освѣщенное самосознаніемъ, крайне отъ насъ отличнымъ, намъ же—на верху вовсе невѣдомымъ, при томъ чаще въ періодъ послѣднихъ двухъ столѣтій; это не „творчество народное“, общее и все-

цѣлое, а „народные“ же, его „личные и частные *поэты-лирики*“, продолжавшіе родное творчество старшее *по своему*, параллельно намъ, „образованнымъ“, но самостоятельно и независимо отъ реформъ нашего просвѣщенія (коллекція эта пріобрѣталась частями и довольно туго, не считая той, о которой прежде уже я печаталъ,—подаренной, какъ наслѣдство, дружественнымъ мнѣ старцемъ—библіографомъ и антикваромъ *Т. Ѳ. Большаковымъ*). Къ такимъ образцамъ не нужно и невозможно прибавлять „рисунковъ и снимковъ“, какъ дѣлали мы прежде: они сами украшены рисованными вкладками или виньетками отъ руки XVIII—XIX вѣка.

б) Спеціальною вѣтвью слѣдуетъ затѣмъ часть, также *рукописная* (иное проникло и въ нашу печать, съ конца прошлаго или въ первой четверти текущаго вѣка), и обыкновенно, почти всегда *на нотахъ*, только либо „церковныхъ“ (уже не „крюковъ“), либо „италіанизованныхъ“ черезъ Польшу: это—

такъ - называемыя „*Псáльмы*" (Ед. ч. „Псáльма"), въ корнѣ своемъ старшаго происхожденія *Бѣлорусскаго*, *Галицкаго* и *Малорусскаго*, въ связи съ произведеніями „католическими", частію „полонизованными" изъ старшихъ произведеній Русскихъ, а часто обратно „обрусѣвшими" (и въ семъ качествѣ нашедшими себѣ радушный пріемъ у раскола, который перевелъ „ноты" снова на свои „крюки", и недоумѣваетъ доселѣ предъ содержаніемъ и напѣвомъ, вовсе „неправославнымъ"). Это — последствіе Никоновскихъ предпріятій, созданіе, въ основѣ, сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ школъ, тогдашней „учёбы" и „учености", которая припѣвала и даже приплясывала въ своемъ духовно-поэтическомъ настроеніи, по кельямъ, бурсамъ, въ теченіе рекреацій и вакацій, въ заключеніи торжества актовъ и экзаменовъ, или наконецъ предъ правительствомъ московскимъ—при восхваленіи политическихъ торжествъ „общерусскихъ". Любопытны и важны эти сотни, даже

тысячи псальмъ,—какъ звено между нашею древностью и современностью, какъ старшее вліяніе на первую нашу, форменную и школьную „образованность“.

Изъ прототиповъ чисто-западныхъ, даже цѣликомъ римскихъ и далѣе протестантскихъ, съ „псальмами“ связуются обоюдными заимствованіями и вліяніями такъ-называемыя в) *Кантычки* (cantus-canticum). Собраніе ихъ, обогащенное мною на службѣ въ Вильнѣ и въ Варшавѣ, дополненное еще дарами тамошнихъ ученыхъ и дорогими покупками, у меня такъ обильно, и цѣнно что въ нѣкоторыхъ частяхъ счастливѣе даже знаменитаго собранія въ Краковѣ, какъ извѣдалъ и убѣдился я самъ. Тутъ весь постепенный ходъ религіознаго развитія и настроенія *внѣ* латинствующаго костела, на пропитаніе *остальнаго* народа, оставленнаго безучастнымъ и нѣмымъ, старавшагося вознаградить себя богослуженіемъ и молитвословіемъ „дополнительными“, по книжкѣ въ рукахъ и по возможности на

языкѣ родномъ. Эта область еще богаче и обильнѣе польской, а главное—старше, господствуетъ у *Чеховъ* (цѣлая тамъ литература), далѣе у Далмато-Истрійцевъ, Хорватовъ, Славянъ-католиковъ и протестантовъ, откуда я и пополнилъ коллекцію 30-лѣтними дорогими покупками. *Историческая связь* творчества непостижима безъ этого звена.

Наконецъ, г) по водворсніи въ Харьковѣ, въ теченіе 17 лѣтъ я успѣлъ записать „*устныя* псальмы" у всѣхъ выдающихся слѣпыхъ пѣвцовъ, равно „бандуристовъ и рыльниковъ" (лирниковъ, съ „віолою") на разстояніи до 60 верстъ во всѣ стороны отъ главнаго города. Это служитъ обратнымъ „позвращеніемъ" помянутыхъ выше „школьныхъ и сочиненныхъ" псальмъ въ сферу *народную*, по языку и творчеству; иначе сказать, этимъ усиливалась Русь *Малая* вырости въ *Великую*, оригинальную своими народными „Стихами" (какъ успѣли отмѣтить изъ иностранцевъ Гастонъ Парисъ

и Рамбо). Сводъ нашихъ варіантовъ завершаетъ работу, начатую Костомаровымъ въ *Русской Мысли*.

Такимъ образомъ, наши „Калѣки перехожіе“ и вообще „Духовные Стихи или Псальмы“, съ дополненіями и совершенно новыми образцами, вмѣсто прежнихъ шести выпусковъ, должны бы въ печати составить нынѣ до *двѣнадцати* томовъ, считая, разумѣется, наши поясненія, дневники и исторію дѣла.

II.

Народное пѣснотворчество устное „былевое“, мірское и публичное; пѣсни былевыя: „былины, побывальщины, старины („бабьи“); пѣсни „историческія“, съ переходомъ въ сочиненныя и письменныя; особый родъ и видъ — „молодецкія“ или „безымянныя“, — „козацкія“ и „солдатскія“. — Чтó изъ того собрано, издано или не издано Безсоновымъ.

2) Изъ русскихъ „*Пѣсенъ*“ (общаго именованія), изъ такъ-называемаго „собранія *П. В. Кирѣевскаго*“ въ основѣ (собственно же вошло туда *вдвое* больше моихъ дополненій), законченъ мною печатаніемъ весь полный „*былевой* (эпическій) и *историческій* циклъ“ (отъ богатырей „Старшихъ“ и „Владиміровыхъ Кіевлянъ“ до нашихъ дней). По завѣту Петра Васильевича и предоставленію наслѣдника В. А. Елагина, на исключительныя издержки Московскаго Общества Любителей Россійской

Словесности (по ссудамъ *А. И. Кошелева*) и благодаря совершенной его довѣренности ко мнѣ дѣло изданія выполнено въ теченіе десяти лѣтъ съ небольшимъ. Къ этому примкнулъ и такъ-сказать привился еще значительнѣйшій, по оригинальности образцовъ и современной запискѣ прямо изъ устъ, сборникъ *П. Н. Рыбникова*, по дружбѣ его и увѣренности въ моемъ опытѣ пересылавшійся ко мнѣ отдѣльными листочками. *Два* такіе *тома* изданы нами *сообща*, на издержки Дм. А. *Хомякова*, а въ пользу отъ продажи для самого Павла Николаевича, тогда нуждавшагося въ своемъ временномъ заточеніи.

Но какъ въ теченіе обоихъ помянутыхъ изданій, такъ и вслѣдъ за ними, я безъ перерыва *продолжалъ* такіе образцы записывать и собирать: изъ пѣвицъ и пѣвцовъ окрестнаго мнѣ края и даже изъ самого Олонецкаго, пріѣзжали ко мнѣ многіе въ Москву или присылали съ

мѣста записанное; ихъ выслушивали у меня или наставляли продолжать дѣло (дѣятельность эту и участіе раздѣлялъ со мною глубоко уважаемый собиратель и изыскатель *Е. В. Барсовъ*); въ этомъ числѣ попадались образцы рѣдчайшіе, какъ, напримѣръ, ненапечатанный доселѣ пересказъ о женитьбѣ и крещеніи Владиміра; у меня портретъ и старшаго знаменитаго пѣвца Кузьмы Романова; а по смерти уже Рыбникова, счастливымъ случаемъ я купилъ за границей его *рукопись*, съ перебѣленными записями произведеній народныхъ. Но все это и подобное *дополненіе* къ „цѣльному“ и огромному составу, циклу Былевому и Историческому (подлинно своеобразному и высоко творческому *міру*, какъ-то неожиданно для всѣхъ явившемуся на свѣтъ Божій изъ-подъ моихъ рукъ и на основаніи разбросанныхъ „листочковъ“), я желалъ бы, чтобы вошло *туда же*, гдѣ началось въ печати, именно въ изданіе дорогаго мнѣ Общества Любителей Россійской Словесности,

когда найдется къ тому усердіе и капиталъ (изданное мною все уже разошлось и перепродано, такъ что нынѣ съ трудомъ отыскивается вполнѣ).

Всего обильнѣе здѣсь, а по *содержанію* и *пріемамъ творчества* всего ближе къ былевому—историческому, такъ-сказать на душѣ и на рукахъ у меня остается до сихъ поръ обширный, оригинальный, спеціально обработанный мною къ изданію и снабженный всюду изслѣдованіемъ отдѣлъ такъ-называемыхъ въ народѣ (и весьма вѣрно) пѣсней *Молодецкихъ* или *Безымянныхъ*, неизвѣстный въ семъ опредѣленіи и значеніи нашей литературѣ (ибо я же первый выдѣлилъ этотъ типъ изъ массы), да и не напечатанный цѣликомъ, а въ нѣсколькихъ прежде записанныхъ образцахъ „разбросанный“ по отдѣламъ другимъ, не совсѣмъ подходящимъ. Это собственно произведенія, гдѣ по *одну* сторону герой ихъ—чисто-народный и стяжавшій участіе—потерялъ свое *историческое имя* или подобающее

мѣсто, обратившись въ безымяннаго „молодца", а обстановка его изъ своей исторической цѣльности расплылась въ подробности *всякой обиходной* жизни; по *другую* же—дѣйствующее лицо и не было никогда выше простаго, текущаго и ежедневнаго быта; „приключенія" его крайне занимательны, и народъ хранитъ ихъ, любитъ повторять, но *не удостоиваетъ* тому мѣста въ „былинѣ" или въ пѣсни „исторической", а пускаетъ гулять по бѣлому свѣту въ пѣснѣ, какъ всякого въ жизни „гулящаго, веселаго" или „развеселаго удальца", „удалаго—добра-молодца", порой и „тюремщика, заключенничка", нерѣдко и „разбойничка", и даже „лихаго вора-разбойничка, камышничка, придорожничка, поляницу". Область этихъ пѣсенъ чрезвычайно важна для насъ тѣмъ, что разгадываетъ (немногими, конечно, усвоенный и поставленный) вопросъ: *какъ* самъ народъ понималъ корпусъ своей *исторіи* (отчасти по лѣтописямъ или по навыку, но безъ

Карамзина и Соловьева), *какъ* смотрѣлъ на его высоту и характеръ, *что* и *кого* туда *допускалъ*, что рѣзко *отсѣкалъ* или, наконецъ, махнувъ рукой, совсѣмъ забывалъ, опуская въ бездонную пропасть всякой смѣси и мелочи, но безо всякаго отличительнаго „содержанія“ и „наименованія“. Мечта моя рисуетъ для этого отдѣла въ печати по меньшей мѣрѣ *тома три*.

Сродны съ симъ, конечно, и пѣсни *козацкія*, а съ XVIII вѣка возрастающія *солдатскія* по той мѣрѣ, какъ стерлись въ нихъ или исключены народомъ точные признаки и описанія „историческіе“; но о судьбѣ ихъ изданія, которое затѣвалъ я усердно и подготовлялъ настойчиво, а въ рѣшеніи даже встрѣтилъ препятствія, сказано будетъ особо въ своемъ мѣстѣ.

3) За исключеніемъ перечисленнаго доселѣ по отдѣламъ, все *остальное пѣсенное сокровище* нашего великаго народа обнимаетъ собой пѣсни или, точнѣе, пѣсенныя произведенія

разныхъ значеній и наименованій: такъ-называемыя „Урочныя“ (по временамъ года, днямъ, работамъ, занятіямъ и т. под.), „Праздничныя“, „Обрядныя“ или „Обрядовыя“ (въ числѣ ихъ много „Свадебныхъ“, разныхъ ступеней ихъ и примѣненій); „Хороводныя“ („наборныя“, „парныя“, „круговыя“ съ „выступомъ“ и безъ онаго, „отпускомъ“ или „разбѣгомъ“, и т. п.),—высокой древности происхожденія и красоты законченной отдѣлки, крайне опредѣленной въ самомъ напѣвѣ,—(зародышъ нашей самостоятельной драмы и оригинальный отзвукъ греческой); отдѣльно стоящія — по архаизму и значенію нѣкогда даже священному—„Святочныя“ и „Подблюдныя“, вообще „Гадальныя“; „Игровыя“ по старинѣ или современному употребленію; „Плясовыя“ и „Веселыя“; „Уличныя“ (сохранившееся техническое имя „на ходу“ или въ родѣ „западныхъ серенадъ“); „Бытовыя“, въ томъ объемѣ „бесѣдныя“, „посидѣлочныя“, „семейныя“, „домашнія“ и т. под.), еще

общѣе—по народному имени—„женскія“ (по литературному — „лирическія“).

Собраніе это (исключительно мое личное и изъ устъ, съ голоса, изъ массъ и отъ лицъ такъ или иначе народныхъ) въ подлинномъ смыслѣ росло у меня уже „не по днямъ, а по часамъ“, сохраненное съ дѣтства и потомъ постоянно на досугѣ или при всякомъ случаѣ записанное со всей почти средины Великой Руси (въ помѣщичьемъ еще быту, среди котораго я росъ въ молодости и совершалъ переходы или разъѣзды отсюда по области спеціально народной, крестьянской и нижне-слоевой, а потомъ и въ разъѣздахъ при службѣ); позднѣе же отовсюду присылаемыя мнѣ или подаренныя; числомъ „оригинальныя“ (не считая варіантовъ) приблизительно *сверхъ тысячи образцовъ.* Напомню что для сличенія съ сим, а порой по выбору для естественнаго заимствованія, въ моей библіотекѣ за 40 лѣтъ слишкомъ собрались *всѣ*, тѣмъ

паче *главнѣйшія* изданія *печатныя* (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ по газетамъ, губернскимъ вѣдомостямъ и подобнымъ мѣстнымъ и рѣдкимъ нынѣ органамъ), именно *Русскія*, со включеніемъ такъ-называемыхъ „Пѣсенниковъ", даже мельчайшихъ и современныхъ, сколько-нибудь годныхъ и отчасти самыхъ перепечатокъ; а *вокругъ* нихъ то же самое изо всѣхъ областей славянства, *все главнѣйшее* въ этомъ родѣ. Стóило это громаднаго труда, неутомимой ревности, путешествій и поѣздокъ, переписки со множествомъ книгопродавцевъ и т. д., во всемъ же—значительныхъ расходовъ денежныхъ, которыхъ не щадилъ я, относя сюда самыя послѣднія крохи заработаннаго содержанія (наслѣдственнаго я не имѣлъ).

Нельзя также отъ произведеній чисто-народныхъ отдѣлить здѣсь вовсе и забыть „сочиненныя" „писателями" (иногда первоклассными), либо передѣланныя изъ области народной, либо туда проникшія и тамъ

принятыя: историческія данныя такого происхожденія и хода весьма важны. Въ *такомъ-то* объемѣ считаю я для печати *томовъ пять* (доселѣ я почти ничего и нигдѣ не печаталъ въ этомъ родѣ, развѣ при какихъ-либо *другихъ* статьяхъ, напримѣръ, объ Екатеринѣ Великой и тому подобныхъ эпизодахъ).

Вслѣдъ затѣмъ я *выдѣляю* нѣкоторые особые роды и виды пѣсенъ съ точки зрѣнія *физическихъ* „возрастовъ“ у народа и его лицъ, или же „мѣстъ“ по отличіямъ языка и народности, о чемъ и скажу въ свою очередь.

III.

Особое собраніе и изданіе „Пѣсней Дѣтскихъ“ чисто-народныхъ, *по возрастамъ*, съ рисунками и нотами.—Отдѣльное изданіе *по вѣтвямъ народности и нарѣчіямъ*: пѣсни „Бѣлорусскія“ и „Малорусскія“ (независимо отъ „Болгарскихъ“).

Сверхъ творчества Былеваго, а равно изъ остальнаго необъятнаго круга всѣхъ прочихъ народныхъ пѣсней, я всегда выдѣлялъ и въ изданіи своемъ выдѣлилъ особо пѣсни „*Дѣтскія*“. Это образцы *внутренней*, почти скрытой отъ сторонняго взора, но вмѣстѣ болѣе *физической* или *природной* исторіи того, — *какъ* и *на чемъ* выростаютъ мало-по-малу въ народѣ творческія пѣсенныя силы по ступенямъ и лѣтамъ возраста, съ колыбели и перваго дѣтства; какими стихіями питаются, на чемъ останавливаются раннимъ взоромъ и ребяческимъ чувствомъ; въ какомъ зачат-

кѣ формируются здѣсь образы поэтическіе при малыхъ еще собственныхъ средствахъ дѣтей, съ пассивнымъ, а вскорѣ и своеобразнымъ воспріятіемъ всей окружающей сферы. Произведенія такого комплекса, воспроизводимыя самими дѣтьми въ ихъ пѣсняхъ, крайне дороги намъ,—отнюдь не по текущимъ Фребелевскимъ пріемамъ и затѣямъ, не по ихъ „рукодѣльямъ“ и кустарнымъ игрушкамъ „воспитанія“, методически поспѣшающимъ вытянуть малютку за̀уши къ „развитію“. Пѣсни, о которыхъ рѣчь и которыя „единственно“ я издаю, съ ранняго дѣтства зналъ я *самъ* и распѣвалъ съ голоса и словъ дорогой моей кормилицы, а потомъ долголѣтней няни, крестьянки Василисы Зиновьевны (портретъ ея приложенъ въ рисункѣ при моемъ изданіи); выросши я повѣрялъ заученное съ образцами на сторонѣ, у другихъ, призналъ же „подлинными“ лишь тѣ, кои явно—по всѣмъ отличіямъ—вышли изъ *самого народа*, въ немъ искони держатся *какъ свои*, или же

приняты туда *на подержаніе*—по внутренней ихъ правдѣ и согласію съ чутьемъ народнымъ. Здѣсь, въ массѣ лепета, дѣтской болтовни, прибаутокъ и „кажущихся“ пустяковъ, порою выпукло выдаются такіе перлы, какъ, напримѣръ: память о пра-славянскомъ (у Венетовъ) Царѣградѣ, съ „нарядомъ“ (выборомъ) „подписанныхъ“ туда служителей изъ Славянъ (Далматовъ и Дулѣбовъ); объ изгнаніи или „бѣгствѣ“ архаическаго „царя“ („кривой царь“); о преемникѣ ему Константинѣ; о „Тивунѣ“ и духовномъ „Владыкѣ“ - судьѣ семьи; о томъ, какъ „Сонъ да Дрема“ (равные эллинскимъ) бодрствуютъ „въ головахъ“ у ребенка за одно съ предводителемъ ихъ „Угомономъ“; о томъ, какъ не умираетъ, безсмертный на жертвенникѣ, вѣчно курившійся у Куретовъ, „Живой Огонь“ (по-сербски), у нашихъ же (Кревовъ, Куровъ и Кривичей) — *Курилка*, то же что жмудскій „Зничь“ (разъ его „возгнѣтили“), и т. д. Это не одна только шалость и забава: пѣсня дѣтей сплошь и ря-

домъ рисуетъ намъ бытъ отдаленнѣйшей древности, а въ немъ и самую исторію „народа“. Я не могъ относиться къ этой области свысока или дозволять себѣ (и другимъ) въ ней подделки и переделки: скорѣе готовъ я былъ игнорировать иныхъ нашихъ письменныхъ историковъ, чѣмъ эту словесную быль, и таковъ поводъ, таковъ смыслъ *перваго* моего *для Русскихъ* изданія *въ этомъ именно родѣ.*

Я успѣлъ издать только *томъ Ій*— „Пѣсней *Колыбельныхъ* и *Младшаго*, перваго возраста (1868 г.). Въ рисункахъ къ нимъ участвовалъ на́скоро, набросками академикъ *Корженевъ* (предстояли впереди лучшіе тому опыты, болѣе законченные, ученика моего, рано скончавшагося, но столь талантливаго въ искусствѣ, *Ѳ. Л. Сологуба*); ноты, съ моего голоса, записывалъ *Вл. И. Кашперовъ*, просматривалъ *А. Н. Сѣровъ* и редижировалъ къ печати кн. *Вл. Ѳ. Одоевскій.* Къ пѣснямъ прибавлены были, ближайшія „по возрасту“ кое-какія сказки,

игры, загадки и пословицы, лишь бы выражалось это и сопровождалось „словомъ народнымъ“, притомъ мною усвоеннымъ и записаннымъ. Но, опять по недостатку средствъ денежныхъ, слѣдующіе, подготовленные, томы (2—3) остались у меня въ рукописяхъ, на рукахъ.

Когда же изданіе это (впрочемъ обильное числомъ экземпляровъ) лѣтъ чрезъ десять стало въ продажѣ рѣдко, а между тѣмъ расплодились уже перепечатки и поддѣлки, слѣдовало подумать объ *изданіи второмъ* и возможномъ затѣмъ „продолженіи“. Меня побуждало къ тому и сочувствіе, именно въ народѣ ближайшемъ, „моемъ“, дѣтскомъ. Не смотря на то что въ обществѣ „сверху“, разумѣется, молчали, по непониманію, а порядочный „разборъ“ напечаталъ былъ только моимъ пріятелемъ Де-Пуле, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ только узнавали о книжкѣ, разбирали ее нарасхватъ, дѣти зачитывали и такъ-сказать „запѣвали“, по обычаю растрепывая и уни-

чтожая, не знавшіе напѣва подлиннаго прилаживали свой, крестьянскія гурьбы ликовали, покатывались со смѣху, твердили хоромъ, подыгрывали, подплясывали; семьи интеллигентныя изумлялись проникшей къ нимъ „новости“ и „странному“ восторгу ихъ дѣтей.

Не имѣя собственныхъ средствъ для печатанія (какъ всегда), я обратился съ предложеніемъ взять на себя это *2е изданіе* къ русскому издателю, весьма извѣстному и популярному своими предпріятіями разнородной прессы, въ томъ числѣ перепечатками изданій прежнихъ (въ С.-Петербургѣ). Онъ принялъ это свысока и съ первыхъ же словъ замѣтилъ что я своимъ *способомъ* обращенія съ народными памятниками въ изданіи не удовлетворяю его собственнаго взора, вкуса и метода, издавна привыкши „учиться“ (даже у тѣхъ, кто самъ издавалъ плоховато, грязновато и съ ошибками, хоть и скоро, и въ фигурномъ переплетѣ), я

соглашался съ наставленіемъ, и тѣмъ скорѣе что вельможа доброхотно отнесся къ моимъ предложеніямъ, подписалъ условіе и даже выдалъ мнѣ тотчасъ маленькую сумму за пріобрѣтеніе права. Въ особенности я доволенъ былъ ради условленнаго намп отпечатанія изготовленныхъ къ пѣснямъ *нотъ*, для которыхъ тогда въ Москвѣ (и остальной, кажется, Россіи) не было шрифта для „набора", сколько ни хлопоталъ о томъ Н. Г. Рубинштейнъ, понуждая *для меня* музыкальные магазины, а оставался тискъ „досками", весьма дорогой (употребленный мною прежде для другихъ изданій). Но... прошло потомъ свыше десяти лѣтъ (съ 1883 г.), а уговоренное изданіе не появилось и, что̀ всего прискорбнѣе, несмотря на мои напоминанія, не возвращена мнѣ (по договору) подлинная нотная тетрадь, драгоцѣнная участіемъ и замѣтками означенныхъ выше знатоковъ музыки. Эта попытка *навсегда* отбила у меня рѣшимость обращаться къ какому-нибудь *еди-*

ничному, *частному* лицу издательскому, хотя бы пресловутому, убѣждая меня постепенно и въ томъ что въ дѣлѣ, подобномъ моему, лица предпринимателей образцами изданій своихъ доказывали совершенную неспособность свою и неумѣлость, такъ какъ не вѣдали самаго *предмета*, съ которымъ возились, ни его отличія, путаясь въ матеріалѣ изъ чужихъ рукъ и не достигая успѣха дальше площадныхъ „пѣсенниковъ", несравненно ниже издателей даже старинныхъ, такихъ, какъ Чулковъ и Новиковъ, Трутовскій и Прачъ. Такимъ образомъ, и повтореніе съ пополненіями, и все дальнѣйшее — для *средняго* и *старшаго* возраста дѣтей, считая съ прежними тома *на 3—на 4*, при нотахъ и рисункахъ, осталось у меня доселѣ—на рукахъ и на душѣ, капиталомъ безъ движенія, какъ драгоцѣнный по значенію матеріалъ, по труду, на него расходованному, неоплатный, какъ неисполненный долгъ передъ народомъ.

IV. Сюда же, въ отдѣлъ *особый*, причисляются памятники пѣснотворчества *по вѣтвямъ народности и ея нарѣчій*, а прежде всего —

а) *Бѣлорусскіе*. Ихъ началъ я собирать и изучать только съ 50хъ и особенно съ 60хъ годовъ, когда, при собираніи „Стиховъ“ (Духовныхъ) посѣщаемъ былъ многими Бѣлорусскими крестьянами и крестьянками, по вызову ихъ „съ мѣста“ и личному ознакомленію; въ ту пору, *основою* для изученія и сличенія образцовъ, регуляторомъ точекъ зрѣнія и опредѣляемыхъ отличій служили еще мнѣ нѣсколько примѣровъ и записокъ между матеріаломъ изъ собранія Кирѣевскаго, поступившаго тогда ко мнѣ для изданія. Но, съ 1864 г., по пріѣздѣ моемъ на службу въ Сѣверо-Западный край, я самъ сблизился съ этимъ дѣломъ на мѣстѣ (одинъ изъ моихъ младшихъ тамъ сотоварищей, П. А. Гильтебрандтъ, успѣлъ составить самостоятельный сборникъ). Эти обстоятельства сообщали мнѣ прямыя, непосредственныя свѣдѣнія въ

тамошнемъ народномъ *языкѣ* и *бытѣ*, а занятія документами исторіи края (по самой службѣ) дополнили это съ точки зрѣнія *исторической*; близкое же знакомство съ графомъ *Тышкевичемъ* и особенно *Киркоромъ* пролило мнѣ много свѣта изъ памятниковъ и преданій вѣтви тѣснѣйше родственной, давней и современной,— Литвы и во главѣ ея Жмуди; помогали указанія и другаго младшаго сотоварища *И. Ѳ. Спрогиса*, относительно Латышей, этихъ автохтоновъ-пѣвцовъ Двины, одушевленной и почти обоготворенной ими въ образѣ „Дѣвы" („Дѣвина"). Думаю что въ этомъ отношеніи, разъясненіемъ нарѣчія (съ его выговоромъ и потребнымъ правописаніемъ), быта и первичныхъ народныхъ воззрѣній Бѣлорусскаго міра, въ его ростѣ и приросткахъ, придана достаточная цѣнность моимъ воззрѣніямъ, указаніямъ и работамъ послѣдовавшаго изданія,—цѣнность, которая держится доселѣ и за границей, въ глазахъ ученаго міра; такъ что сообщенныя мнѣ далѣе допол-

ненія съ мѣста, между прочимъ, отъ моего пріятеля и сотоварища по службѣ *М. Ѳ. де-Пуле* (онъ былъ инспекторомъ гимназіи въ Вильнѣ при мнѣ, директорѣ, сотрудникомъ по Музею, архивнымъ и археологическимъ работамъ, оставался же тамъ и послѣ Кауфмана), побудили меня вскорѣ подготовить и выпустить (1871 г.) *первый* (довольно объемистый) *томъ* изданія „Бѣлорусскихъ пѣсенъ" съ обстоятельными поясненіями, въ Москвѣ, подъ кровомъ того же „Общества Любителей Россійской Словесности" и на заимообразную ссуду *А. И. Кошелева*. Матеріала, въ текстѣ и комментаріяхъ, осталось еще *на два тома*, и я сгоряча началъ было продолжать печатаніе уже изъ Харькова (съ 1878 г.), но, разумѣется, вскорѣ это перервалъ, по трудности сношеній издалека и совершенному оскудѣнію денежныхъ средствъ; а это тѣмъ болѣе жаль что, съ теченіемъ времени, пріобрѣтены мною подлинныя Бѣлорусскія, даже *нотныя*, *рукописи*

„Пѣсенъ“ и „Стиховъ“ XVII—XVIII в.

б) Симпатичнѣе мнѣ было изстари (по самому происхожденію моихъ предковъ изъ Галиціи и съ Волыни), да и знакомѣе Бѣлорусскаго по многимъ отношеніямъ, пѣснотворчество *Малорусское*, оживившееся для меня еще при сближеніи съ домомъ Аксаковыхъ, гдѣ до конца держалось и процвѣтало оно безъ перерыва въ практикѣ музыки и пѣнія. Я счастливъ, слышавши здѣсь напѣвы самого Гоголя и узнавши его *любимыя пѣсни*, выборомъ ихъ обличавшія, какъ и вездѣ у великаго художника, тонкость его вкуса и глубокую вѣрность народнымъ преданіямъ (замѣчу кстати, что *лучшіе* изъ такихъ образцовъ *совсѣмъ не тѣ*, какіе обыкновенно цитуются въ біографіяхъ, характеристикахъ и при перепискѣ автора). Но я счастливъ еще сближеніемъ тамъ же (и у Погодина, и у Елагиныхъ) съ Максимовичемъ; я принялъ прямо изъ устъ этого знатока указанія на особенности про-

исхожденія, содержанія, употребленія и самаго напѣва Украинскихъ произведеній; счастливъ также (не скрою) тѣмъ, что тамъ видѣлъ даже „пляшущаго" похохлацки (mirabile dictu) дорогаго моего профессора Бодянскаго. Изъ хозяевъ особенно при этомъ ревностны были — Константинъ Сергѣевичъ (усердно подпѣвавшій по-малорусски, при совершенномъ отсутствіи всякаго музыкальнаго голоса, столь громкаго, впрочемъ, въ своей обычной рѣчи) и покойная сестра его Н. Сергѣевна, весьма музыкальная (куча рукописныхъ нотъ сего рода, списанныхъ ими съ голоса, куда-то исчезла; а печатныя ноты Максимовича столь рѣдки, что пріобрѣтены для меня пріятелемъ уже въ Краковѣ ветхою тетрадкой).—Немного позже, дружба моя съ княземъ Н. А. Цертелевымъ (старшимъ собирателемъ и патріархомъ изданія Малорусскихъ „Думъ"), вручившая мнѣ, по Славяновѣдѣнію, образованіе выдающагося изъ его даровитыхъ дѣтей князя Алексѣя Николаевича, склонила

почтеннаго старца, по довѣрію личному и къ моимъ изданіямъ, подарить мнѣ *цѣликомъ* весь рукописный запасъ прежнихъ, долголѣтнихъ его трудовъ, изысканій и находокъ по пѣсеннымъ памятникамъ русскимъ вообще, украинскимъ въ особенности. Благодаря тому и въ сотовариществѣ съ помянутымъ сыномъ (рано и бѣдственно утраченнымъ для насъ), успѣлъ я въ послѣдствіи (трудами на досугѣ къ теченіе почти 25 лѣтъ) возстановить, въ отдѣльной „монографіи", всю жизнедѣятельность и ряды заслугъ нашего ветерана (монографія точно также „лежитъ" у меня въ рукописи, ожидая „издателя"). Въ матеріалахъ покойнаго нашелъ я, между прочимъ, малорусскія *дополненія* къ первому изданію собирателя, приготовленныя мною къ печати вполнѣ. Когда же я самъ переѣхалъ на Украйну, въ ожиданіи тамъ не столько „учить" (какъ пришлось), сколько „учиться" познанію мѣстной народности, встрѣтилъ же тамъ по-

рядочное равнодушіе къ сей „подлинной“ задачѣ, я принялся по крайней мѣрѣ и привыкъ записывать отъ уцѣлѣвшихъ пѣвцовъ-слѣпцовъ (какъ помянуто выше), а это прибавило мнѣ варіантовъ на *цѣлый томъ*. Такимъ образомъ, волей-неволей я вступилъ отчасти въ ряды прочихъ, столь рѣдкихъ уже нынѣ, украинскихъ „собирателей“, а in spe—даже „издателей.“

Наконецъ, в) я исключаю изъ этого обзора старшіе опыты мои (довольно впрочемъ успѣшные) въ изданіи и объясненіи народныхъ памятниковъ *славянскихъ* вообще и *болгарскихъ* по преимуществу (съ 53—55 гг): предпріятіе достаточно уже исполнило свою задачу относительно Славянства и ознакомленія съ нимъ Россіи, даже Западной Европы (нѣкоторый авторитетъ и дороговизна изданія *тамъ* порукою успѣха). Обработку матеріаловъ, еще въ рукахъ моихъ безъ изданія, продолжаю я и доселѣ, между другими дѣлами или по поводу лекцій. Но, „собираніе“ памятниковъ изъ устъ или отъ посред-

никовъ того, помимо уже собиранія печатныхъ въ моей библіотекѣ, прекратилось для меня, по преимуществу съ 1878 года, когда масса усердныхъ посѣтителей, жильцовъ моего дома и воспитанниковъ отхлынула изъ Москвы „къ дѣламъ" своей возрождавшейся отчизны. Въ тылу ихъ мнѣ остается преимущественно „критика" изъ показаній и предпріятій, особенно по вопросу *Македонскому*: но лично за меня уже тамъ работали и подвизаются мои ученики или воспитанники (каковъ, напримѣръ, герой своего дѣла, почтенный *Драгановъ*). *Русскимъ* же издателямъ *пока* и *не кстати* сюда входить, впредь до „опредѣленности" тамъ на мѣстѣ и въ виду *собственныхъ* важнѣйшихъ еще намъ *предпріятій*, не только не выполненныхъ до конца, но съ трудомъ и *начинаемыхъ*, какъ свидѣтельствуетъ самая эта статья.

По крайней мѣрѣ мнѣ остается здѣсь отрада безконечно благодарнаго воспоминанія о томъ Высочайшемъ вниманіи, которое выпало на

долю моихъ „болгарскихъ“ предпріятій свыше, отъ Государей Александра II и Александра III.

Ближе того вопросъ: *отчего собственно*, сверхъ причинъ, довольно явственныхъ изъ обзора предыдущаго, остановились у насъ и не двигаются, какъ будто совсѣмъ прекратились и даже перезабыты въ своей потребности, въ собственномъ существованіи на лицо, подготовленныя мною *изданія* „стиховъ“, „пѣсней бытовыхъ“ („женскихъ“), „дѣтскихъ“ и тому подобныхъ, всего, пожалуй, *до двадцати томовъ*“... * На такой, почти странный, вопросъ мы и отвѣтимъ, вслѣдъ за симъ, по крайнему разумѣнію и довольно яркому личному опыту, отвѣтомъ *собственнымъ*.

---

* Для устраненія недоразумѣній замѣтимъ что подъ нашимъ „томомъ“ вездѣ разумѣется здѣсь, отнюдь не какая-либо *большая и толстая* книга крупнаго формата, а „выпускъ“, отвѣчающій и равный особому „отдѣлу“ или подраздѣленному „виду“ народныхъ произведеній.—*Б.*

IV.

Главнѣйшія *причины* промедленія въ изданіяхъ, остановки и временное прекращеніе ихъ за послѣдніе годы.—Причины „общія“ и „частныя, личныя.—Необычайная обширность и трудность дѣла, неизбѣжныя къ тому жертвы, одиночная работа исполнителя: требовательность его самого въ выполненіи, по его взгляду, способу и методу, объясненіямъ и примѣчаніямъ, сообразнымъ съ сущностью вопроса и съ извѣданнымъ опытомъ.—Многія *внѣшнія* и *мѣстныя* затрудненія отъ эксплуатаціи, недостатковъ типографіи, отсутствія цензуры „мѣстной“ и т. п.—Почти „отчаянное“ положеніе дѣла: наступившая „рѣшимость“ выйти изъ того и *начать* первые къ тому шаги—публикаціей о безотлагательной потребности и приглашеніемъ къ *предварительной подпискѣ* чрезъ періодическую печать, съ послѣдующей за симъ *организаціей* постепеннаго выхода частей и томовъ полнаго изданія.

Для всякого естественный и справедливый вопросъ: *отчего*, послѣ нѣсколькихъ прежнихъ и удачныхъ

опытовъ издателя, *остальныя*, перечисленныя выше въ нашемъ очеркѣ, массы „памятниковъ“ или „произведеній“ въ ихъ коллекціи, готовыя по *тексту* и соотвѣтственнымъ его *разъясненіямъ*, не появились *въ печати* доселѣ, въ теченіе *двадцати* почти лѣтъ?

Простѣйшій и ближайшій отвѣтъ тотъ, который явствуетъ изъ всего предыдущаго: отъ *недостатка средствъ*. Но именно *какихъ*?

Покойный П. В. Кирѣевскій *десятьки* лѣтъ „собирался“ издать свою коллекцію, и только Бодянскій съ большимъ трудомъ успѣлъ выпросить въ *Чтенія* (приманкою—всего болѣе—*свободной* цензуры) небольшой рядъ „Стиховъ“, да *Русская Бесѣда* усильно вымолила нѣсколько „былинъ“. Глубокая причина промедленія лежала не столько въ недостаткѣ средствъ матеріальныхъ (очень хорошихъ, но изъ которыхъ П. В. Кирѣевскій пользовался *на себя* лишь крохами), сколько въ добросовѣстнѣйшемъ стараніи его о

возможно лучшемъ и *раціональномъ изданіи текста* (въ распредѣленіи частей его состава и видовъ, въ поясненіи и толкованіи подробностей, въ самыхъ внѣшнихъ пріемахъ предполагавшагося печатанія, и т. п.). Собиратель постоянно и серіозно надъ этимъ задумывался, всматривался въ задачу, работалъ и совершенствовалъ ея выполненіе „про себя". Между тѣмъ, присылка образцовъ отъ всѣхъ содѣйствовавшихъ лицъ, доброхотныхъ или „заказныхъ" (и даже „платныхъ") росла и росла съ годами, увеличивая и внося новые вопросы въ область прежнихъ, и т д. (*самимъ* П. В. Кирѣевскимъ записано несравненно менѣе, доставлено же ему или пріобрѣтено со стороны *вдесятеро*, а при изданіи *главной части* коллекціи, съ 60хъ годовъ до конца 70хъ, въ 20 лѣтъ, *дополнено мною* противъ всего прежняго состава *еще вдвое*).

Почти то же самое было и со мною, при томъ лишь важномъ различіи (болѣе „внѣшнемъ"), что *наличныхъ средствъ*, по преимуществу денежныхъ,

у меня *не было ровно никакихъ* на печатаніе. При *каждомъ* изданіи или отдѣльномъ его выпускѣ я пользовался „предварительнымъ“ содѣйствіемъ *другихъ* въ отношеніи *денежномъ* и, *вполнѣ* отъ того завися, отдавалъ въ печать или выпускалъ въ свѣтъ лишь *на-столько*, на-сколько хватало такихъ средствъ, въ случаѣ же крайности, напримѣръ, задержки готоваго выпуска, выдѣляя напряженное пособіе изъ нуждъ личныхъ и семейныхъ. Другое дѣло—постепенное „собираніе“ произведеній: оно совершалось съ дѣтства моего на средства и расходы цѣликомъ *личные*; оно велось непрерывно и съ каждымъ годомъ все напряженнѣе, безъ оглядки на траты; я не щадилъ ни силъ и труда, ни скуднаго достатка, заработаннаго службой или другими занятіями. И вотъ, когда отъ первыхъ 30 лѣтъ съ дѣтства, и въ теченіе 20 лѣтъ изданія, матеріала въ образцахъ набралась неимовѣрная громада, куда обширнѣе, чѣмъ у Кирѣевскаго, поглощая въ себя и всѣ силы изслѣ-

дованія, все вниманіе къ значенію и обстановкѣ самихъ произведеній,— средствъ же денежныхъ не заявлялось ни откуда, да и собственныя личныя истощались обиходомъ жизни, а самая „выручка" отъ продажи разныхъ изданій иссякла,—дѣло *изданія*, разумѣется, сразу *остановилось* на половинѣ сдѣланнаго, именно съ конца 70хъ и начала 80хъ годовъ, по переходѣ моемъ въ Харьковъ и съ прибавкою тамъ еще затрудненій чисто-мѣстныхъ (по службѣ на каѳедрѣ университета).*

И до этой еще поры, всякіе *дары*, заимообразныя *ссуды* и пособія *предварительной подписки* не были *возна-*

---

* *Затрудненія*, перечисленныя въ текущей статьѣ (съ экономической и матеріальной стороны), *возросли* для издателя въ теченіе уже настоящаго печатанія, но съ другой стороны, личныя и семейныя бѣдствія, понесенныя имъ (о чемъ не мѣсто здѣсь распространяться), напомнили ему и ускорили еще *необходимость* неотложнаго осуществленія предпріятія. *Б.*

гражденіемъ или даже полнымъ *покрытіемъ* расходовъ по *изданію* (не говоря уже о „собираніи“, перепискѣ, работѣ надъ текстомъ и о времени), а собственно только „вызовомъ“ къ изданію, промоціей къ нему, авансомъ на расходы первыхъ шаговъ и такъ-называемый „подъемъ“; шли они на *самое изданіе* и имъ *поглощались*, при случаѣ нуждаясь и въ дополненіи съ моей стороны, а при каждомъ выпускѣ послѣдующемъ *возобновляя* хлопоты предыдущаго. „Выручка отъ продажи“ сравнительно была ничтожна: издававшія—на свой счетъ—„Общества“ удѣляли мнѣ только 50 экземпляровъ „даровыхъ“ (больше я не взялъ бы и самъ), которые уходили, конечно, на разные подарки и „поднесенія“, а *прочія* изданія мои, „собственныя“, дарили мнѣ *еще меньше*. Никто не скажетъ, напримѣръ, что объемистый выпускъ, съ нотами и рисунками (каковъ выпускъ „Калѣкъ Перехожихъ“) продавался *дорого* — за *1 рубль*: въ продажѣ остатковъ и

въ покупкѣ, напримѣръ, нѣскольскихъ экземпляровъ на учебные округа (со скидкою и моею разсылкой—до Сибири), выпускъ давалъ мнѣ „подспорье тянуть“ дѣло“, но ужь, разумѣется, не возвращалъ цѣликомъ капитала. Изъ экономіи средствъ въ моемъ распоряженіи, я вынужденъ былъ печатать *менѣе* экземпляровъ, чѣмъ бы слѣдовало и чѣмъ легко бы разошлось, доставивъ и болѣе дохода,—именно печаталъ по 600—800 экземпляровъ: не падало это, какъ сказано, на дороговизну продажной цѣны (то-есть и не прибавляло моего дохода), но жаль того, что расходилось уже по „интеллигенціи“, а не по „крестьянству“, куда бы прямѣе слѣдовало и гдѣ—печатай я больше—цѣна могла бы спуститься дешевле, какъ и нужно бы по настоящему (хотя бы до 20—15 к., какъ и дѣлалъ я „выборку“ нѣкоторыхъ „*Стиховъ*“ для А. Н. Бахметевой). Общій результатъ былъ таковъ: изданія скоро дѣлались *рѣдки* (и

нынѣ даже уже „ненаходимы"), но не столько по содержанію — какъ всѣ „народныя", а по малому количеству печатныхъ экземпляровъ и при этомъ по относительной дешевизнѣ, мнѣ же только „въ ущербъ" (были случаи, что цѣлая волость собиралась для слушанія одного чтеца, читавшаго единственный экземпляръ „Стиховъ", или гурьба всего округа мальчишекъ пробавлялась одною книжкой *Дѣтскихъ пѣсенъ*, хотя, по счастью, удалось напечатать ихъ и больше). *Рѣдкость* же экземпляровъ, въ свою очередь, вынуждала потребность „повторенія": а что̀ мнѣ въ самомъ „правѣ" на то, да еще по смерти? Я и самое право уступалъ иногда еще при жизни, лишь бы двигалось дѣло (выше я помянулъ тому случай),—и безъ успѣха; по смерти же еще хуже—кому съ этимъ всѣмъ справиться безъ меня? Вопросъ въ томъ что самое повтореніе моихъ изданій нелѣпо и неумѣстно безъ *пополненія*—порою вдвое и втрое противъ прежняго, отъ накопленія со-

бранныхъ новыхъ образцовъ, иногда и лучшихъ.

Все такое было, однако же, еще сносно, и какъ-то поддерживало самую энергію, пока издатель былъ молодъ, пока семья была мала и дѣти малолѣтни, а главное — цѣлыхъ 22 года первой службы, въ трехъ мѣстахъ ея, пользовался я квартирой „казенною",—значительная подмога содержанію, которое получалъ я издавна и постоянно за работу „на службѣ", пользуясь тѣмъ же самымъ и для изданій; здѣсь „мѣста" и безопаснаго, было вдоволь для храненія рукописей съ изданіями, и для работъ по ихъ „листочкамъ", и для пріема гостей—носителей творчества или пріѣзжихъ Славянъ. Но вотъ перехожу въ Харьковъ, гдѣ профессорамъ (и даже ректору) нѣтъ квартиръ; предстояло странствіе отъ сырыхъ къ холоднымъ квартирамъ; брать туда изъ Москвы все съ собою—немыслимо, оставлять въ складѣ московскомъ за глаза—и дорого, и опасно; это хорошо знали разные букини-

сты, стерегли минуты мои до отъѣзда. Дотолѣ нѣтъ-нѣтъ, а продажа экземпляровъ разныхъ изданій все-таки приносила порой 30—40 р.; но пробилъ часъ, нужно было рѣшаться, а я и безъ того вёзъ 18 большихъ „мѣстъ“ съ книгами и рукописями,—и я отдалъ весь грузъ по 8—10 к. за рубль (а черезъ три года, проѣзжая Москву, убѣдился, что тамъ *все распродано*, и съ уступкою обыкновенной). Съ тѣхъ поръ, у меня въ рукахъ однѣ лишь уцѣлѣвшія *корректуры*, нечего подарить и заграничнымъ пріятелямъ: хорошіе же, отборные экземпляры, и такіе нынѣ дорогіе (до 30—40—50 р. и дороже) видятся мною какъ будто во снѣ.

Довольно о *внѣшнихъ* или грубо-матеріальныхъ причинахъ: есть причины промедленія и задержки изданій болѣе *внутреннія*, зависящія и отъ личности издателя, и отъ самыхъ произведеній творчества. Въ моихъ глазахъ самое „собираніе“ такихъ образцовъ представляетъ уже мало цѣнности, а изданіе ихъ и подавно

вовсе безцѣльно, какъ скоро имѣютъ въ виду одинъ лишь „*сырой* матеріалъ“, все равно — тѣло или форму безъ души и жизни, безъ связи съ окружающей и даже „цѣльной“ жизнію народа; такія изданія умножаютъ только рядъ техническихъ „пѣсенниковъ“ и сами превращаются въ эти послѣднія исчадія площади, постепенно искажая текстъ, сливая его со всякимъ аляповато „сочиненнымъ“ стихомъ или спѣвомъ, цыганскимъ, шансонетскимъ, водевильнымъ и сатирическимъ куплетомъ, балаганною выходкой. Для меня же, при каждомъ, сколько нибудь оригинальномъ и выдающемся образцѣ, важно отношеніе его къ *цѣлому народу* и *всему* его *творчеству*, равно какъ историческое или бытовое значеніе произведеній По установившимся правиламъ такого дѣла, я выслушивалъ, когда приходилось, и записывалъ изъ устъ—съ „напѣвомъ“,—повѣрялъ въ слѣдовавшемъ „пересказѣ“, узнавалъ имя пѣвшихъ (или игравшихъ и т. п.), положеніе

нихъ въ семьѣ и округѣ, степень развитія, у кого переняли, гдѣ и какъ это выполняется, изстари ли ведется, гдѣ портится, гдѣ совсѣмъ этого нѣтъ (для того, сверхъ собиранія на мѣстѣ, я зазывалъ „лучшихъ" исполнителей къ себѣ на домъ, напримѣръ, Олонецкихъ и вообще далекихъ, особенно же „перехожихъ" — слѣпыхъ, которыхъ ловить „на мѣстѣ" нѣтъ и пользы, ибо такого у нихъ нѣтъ; семья моя не покладала рукъ, ухаживая за ними, угощая, обшивая, одѣвая). Расширяя далѣе такой кругозоръ, я неизмѣнно сравнивалъ болѣе крупный образецъ съ таковыми же въ мѣстности *другой* или съ *варіантами* гдѣ бы то ни было и по старшимъ, даже *всѣмъ прежнимъ* изданіямъ, а наконецъ и съ обширною областью славянскою, гдѣ нерѣдко находилъ я совпаденіе, во всякомъ же случаѣ опредѣлялъ симъ признаки *отличія русскаго*. Для того-то возникла и къ этой цѣли строго примѣнена спеціальная, обширная моя *библіо-*

тека всѣхъ русскихъ изданій, а въ славянствѣ—всѣхъ *главныхъ*, авторитетныхъ и общепринятыхъ; для развитія ея, чтобы сосредоточить расходы, я переуступилъ или пожертвовалъ *другимъ* старшую мою коллекцію „антично-классическую“, потомъ по „русской исторіи“ политической и наконецъ даже „русской словесности *письменной*“, собственное собраніе лубочныхъ картинъ и сказокъ, изданія „первопечатныя“ и ихъ „снимки“ (уже въ 1867 году, на съѣздѣ, Славяне единогласно признали такую „специальную“ библіотеку *единственною* въ Европѣ и частнѣе въ Россіи).

Кромѣ того, для меня *текстъ* пѣсни—языка ея, словъ и выраженій, неразлученъ съ *напѣвомъ* и *распѣвомъ*, голосомъ и звукомъ музыкальнымъ. Пріученный къ тому съ дѣтства окружавшими меня лицами, я льнулъ ко всѣмъ „народнымъ“ представителямъ съ этой стороны и, кромѣ вызванныхъ или нарочитыхъ „пѣвцовъ“, имѣлъ при себѣ долго „передо-

ваго“ пѣвца, „образованнаго“ и вмѣстѣ глубоко „народнаго“—*А. А. Панина* (когда у себя въ имѣньѣ пѣвалъ онъ, собирались слушать массы крестьянъ, особенно крестьянокъ); *Д. А. Славянскій* помнитъ, конечно, періодъ нашей взаимности и сообщеній въ такомъ дѣлѣ. Полагаясь на вѣрность своего слуха и безыскусственнаго голоса, но зная за собою недостатокъ музыкальности артистической, я счастливъ былъ тѣмъ, что въ *дѣлѣ* моемъ окруженъ былъ полнымъ радушіемъ содѣйствія такихъ музыкантовъ, какъ кн. Одоевскій, Сѣровъ, Разумовскій, Потуловъ, Н. Рубинштейнъ, Мельгуновъ, Кашперовъ... Коллекція „напѣвовъ“—въ памяти моей и въ нотахъ—(съ моего голоса такъ много и довѣрчиво записывали), ввела меня и въ область „народныхъ *инструментовъ*“, неизмѣнныхъ спутниковъ пѣнія древняго (добытые для меня, прямо изъ Гималая А. И. Барановскимъ инструменты индусскіе пристыдили Британскій Музей, опоздавшій этимъ украшеніемъ — изъ

странъ, подвластныхъ Англіи, какъ признавался Рольстонъ, меня посѣтившій: не поминаю уже инструментовъ „славянскихъ", сверхъ собранныхъ самимъ—навезенныхъ мнѣ моими учениками). Словомъ, образцовая и самобытная „пѣсня" для меня не существуетъ безъ присвоеннаго ей таковаго же „напѣва" и всякаго ритмическаго, „сопровожденія", а обратно—голосъ поющаго опредѣляетъ мнѣ тотчасъ „разрядъ" и „видъ" его пѣсни по тексту, хотя бы я и не слыхалъ ея словъ; благодаря тому, не разъ удавалось мнѣ, вслѣдъ за учителями—Одоевскимъ и Разумовскимъ—уловить пункты, связующіе своими звеньями пѣніе „народное" съ „церковнымъ", а также ритмику и метрику *нашу* съ древнею Элладой, въ чемъ утвердили меня дружескіе приговоры знаменитаго Вестфаля (обо всѣхъ этихъ „развѣтвленіяхъ" народнаго пѣснотворчества было довольно моихъ чтеній и статей).

Мудрено ли, что предо мною, по мѣрѣ сорокалѣтняго слишкомъ „обращенія" съ такимъ „предметомъ",

предо мною раскрывался *необъятный* міръ „пѣснотворчества народнаго“, *единственный* самъ по себѣ—самостоятельный, а вмѣстѣ *цѣльный* на Руси, въ общемъ славянствѣ уступающій развѣ иногда—изяществомъ (но зато и превосходящій храненіемъ) сравнительно съ древнимъ эллинскимъ, а чрезъ сей послѣдній, естественнымъ путемъ, прямо вводящій насъ въ архаизмъ „классическаго“ Востока Азіи (и Египта?). Въ толкованіяхъ своихъ и комментаріяхъ къ ступенямъ русскимъ, восходя по нимъ къ таковымъ первоначаламъ, естественно я *увлекался*, и едвали то порокъ, ибо меня влекли и руководили туда, а порой и сопровождали, какъ товарища, Хомяковъ, Катковъ и Леонтьевъ, Пѣховскій, Ордынскій и Вестфаль, оріенталисты Коссовичъ и Петровъ, а на встрѣчу шли мнѣ съ равнымъ привѣтомъ Рамбо и Рольстонъ. Я помню вѣское слово Каткова, обращенное ко мнѣ въ 35лѣтній юбилей: „Продолжайте углублять народное самосознаніе.“

Какъ сознаю я самъ „недостатки" своихъ изданій, такъ точно знаю и всѣ „излишества" ихъ, умножавшія число страницъ и счетъ расходованной бумаги (но не цѣнность въ продажѣ, — повторю это нарочно). Мѣшаетъ ли это моему дѣлу изданій или способствуетъ, критерій одинъ: безъ того я *не хочу* и *не могу* издавать своего собранія, примѣривая ту же норму критики и ко всѣмъ стороннимъ; кому это мѣшаетъ, въ *его* собраніи и изданіи,—за нимъ право дѣйствовать *по своему*. Въ оцѣнкѣ же собственному предпріятію и выполненію, въ кого и кому надежнѣе мнѣ вѣрить: въ себя ли самого, своему ли знанію и опыту, а вмѣстѣ и помянутымъ моимъ учителямъ или старшимъ сотоварищамъ, изъ которыхъ даже самый *первый*, Кирѣевскій, получивши мое изданіе *первое—Болгарскихъ пѣсенъ*, громко воскликнулъ предъ своимъ братомъ и душеприказщикомъ Елагинымъ: „Вотъ, еслибы *такъ* были изданы и пѣсни *мои*!" Принявъ сей завѣтъ, я и выпол-

нилъ его, хотя въ главной части собранія. Или же во всемъ остальномъ мнѣ вѣрить почтеннымъ, но скороспѣлымъ и легкомысленнымъ критикамъ моихъ изданій? Я не обличаю ихъ невѣдѣнія: за что же сердятся, если я *знаю* то и *вѣдаю?*

Вотъ *постановка* моего дѣла, его *метода* или *способа*, отъ котораго я не въ правѣ и не въ силахъ отступить, ибо въ томъ вопросъ для души моей и для всей моей жизни. Вотъ и причина *затрудненій* самыхъ *внутреннихъ*, которыя, разъ показавши опыты дѣла, съ тѣхъ поръ держали его неизмѣнно въ *рукахъ моихъ*, не выпуская, хотя бы замедляя до самой кончины моей. Да, это вѣрно: издавая свое собраніе и въ немъ народныя произведенія, я считаю себя призваннымъ сказать обо *всѣхъ* нихъ и *все*, что только я *знаю* и *могу* выразить; это *все* или уже *ничего*—и тогда изданіе будетъ задержано еще дольше или можетъ выйти въ свѣтъ уже *безъ меня*, когда меня не будетъ, и я самъ того видѣть не

буду. Для меня это дѣло—міръ *живой*; живое и оживляющее лицо въ немъ—*самъ народъ*; въ народѣ лучшее и вѣрнѣйшее его типу послѣдствіе—его *творчество*. Всѣ *части* этого суть связи и звенья *цѣлаго*. Мы здѣсь *не учимъ* народъ, а его *изучаемъ*: *учитъ* народъ самъ,—мы обязаны слушать и принимать, вдумываться, разъяснять себѣ и другимъ, возсоздавать къ единству и связи то, что̀ разбросано для нашего взора снаружи, что̀ постигается нами *внутри*. Таковы, говорю, затрудненія или препятствія, а вѣрнѣе—неотвратимыя *условія* моей *редакціи*.

Преданный дѣлу *по своему* и безгранично, въ то вѣруя, въ правѣ ли я, еще при жизни, повѣрить дѣло произволу и рукамъ кого-либо другаго? Избави Боже, пока этого не было. Тѣ *Общества*, на страницахъ которыхъ и подъ фирмой ихъ изданій печаталъ я доселѣ (каковы передовыя въ *Москвѣ*—„Исторіи“ и „Словесности“), *довѣряли* мнѣ изданія безо всякаго ихъ контроля по тексту, спо-

собу, толкованію, даже шрифту,—и, благодаря тому, воскресъ передъ *Русью* Киреевскій, его сборникъ, почти уже предъ тѣмъ схороненный, цѣлый циклъ эпическій и историческій, „исцѣленный“ мною изъ разбитыхъ черновыхъ листочковъ, съ опредѣленіями и терминами, впервые мною же введенными. Соблюденныя здѣсь „условія“ редакціи *моей* не препятствовали инымъ членамъ тѣхъ же самыхъ Обществъ оставаться со мной несогласными, критиковать и открыто порицать: это дѣло полюбовное, а не бранное и не злое. Но тѣ же самыя условія *не дозволяютъ* мнѣ „передать“ дальнѣйшее изданіе многимъ Обществамъ *другимъ*: и они условій сихъ не примутъ, да и я безъ того не въ правѣ положиться на *имъ*ніл, ибо, признаться, у большинства ихъ, и самыхъ почтенныхъ, и съ изданіями превосходными, въ опытахъ дѣла „народнаго“ я, къ сожалѣнію, не усматриваю ни надлежащей науки, ни вѣрности опыту и практикѣ; съ са-

мой внѣшней стороны, даже „пунктуація“ у нихъ вовсе *не-народная* (а сколько это значитъ, примѣръ— покойный пріятель мой и сотрудникъ Кашперовъ, *самъ* музыкантъ, а издавая безъ меня сборникъ Одоевскаго *на нотахъ* „съ моего голоса“, раздѣлилъ по два колѣна тамъ, гдѣ одно, и обратно связалъ два разныя въ „хороводѣ“). Тутъ мы поквитались съ „Обществами“ взаимно и претендовать другъ на друга не въ правѣ. Даже въ спеціальности ближайшей, высокоуважаемое „Общество Географическое“ не согласилось принять въ свои изданія мое продолженіе сборника „Бѣлорусскаго“, извиняясь недостаткомъ средствъ, и я обязанъ тому подчиниться (да я и самъ тамъ членомъ), ибо остановилось у него продолженіе болгарскаго сборника *Драганова* (ученика моего), несмотря на то что здѣсь крупный народно-политическій *документъ* по жгучему „вопросу Македонскому“: куда же мнѣ съ этимъ состязаться, при мо-

ихъ документахъ „архаическихъ“? О прочихъ же издателяхъ *частныхъ* нечего и поминать, и расточать имъ, попрежнему, поклоны: стоитъ припомнить, напримѣръ, каково у нихъ до сихъ поръ изданіе „народнаго“ *Кольцова*, не свѣренное въ текстѣ даже со всѣми подлинниками и изданіями прежними...

За то редакція *моя* не дала спать всѣмъ этимъ господамъ Авенаріусамъ, Полевановымъ, „Роднинамъ“, книгамъ былинъ и сказокъ (съ вымыслами отвратительныхъ иллюстрацій), хрестоматіямъ, учебникамъ. Не внимая постояннымъ печатнымъ просьбамъ моимъ — „не перепечатывать чего-либо цѣликомъ, по крайности безъ согласія моего и имени,“, съ другой стороны—пользуясь „пробѣлами“ текущаго Устава печати (цензурнаго, по словесности „народной“), алчною толпой бросились они на *готовое*: „облегчили“ мое, выбросивъ замѣчанія и объясненія (кое-гдѣ замѣнивъ то якобы „своими“); выберутъ образецъ, и лучшій (а онъ рѣдко дотя-

гиваетъ до печатнаго листа), перевернуть листъ—прихватятъ образецъ другой, варіанты, какъ *грузъ*, прочь, и, разумѣется, выйдетъ все и живописнѣе (особенно при переплетахъ), и книга легче, дешевле, продажнѣе, доходнѣе, пролагая вмѣстѣ дорогу *перепечаткамъ* въ пѣсенникахъ площадныхъ. Что тутъ будешь дѣлать? Тебя пристыдятъ — мѣшаешь популяризаціи, заѣдаешь пользу общую. Моихъ изданій, какъ солидныхъ и научныхъ, конечно, это *не обезцѣнивастъ*: они и сами быстро разошлись; но почтенный собиратель, Якушкинъ, расходуясь на путяхъ своихъ, вынужденъ былъ условить отъ Кирѣевскаго—платить ему по рублю за каждый записанный образецъ, а я за все былъ плательщикомъ *самъ* и обрекъ себя на работу pour le roi de Prusse. Оскорбляетъ душу сторонняя беззастѣнчивость... (Рамбо отъ меня *перваго* получилъ свѣдѣніе что его *Исторія Россіи* переведена, продается съ картинами — и только пожалъ плечами,— „у васъ такъ принято!"); а пуще

всего, оскорбляетъ здѣсь то, что въ общество и народъ пускается не подлинникъ—съ его „бѣленькими и черненькими“, но самоизмышленіе и фальшь...

А мой „богатырь“, былинный и сказочный, лежитъ себѣ, спитъ сномъ непробуднымъ почти 20 лѣтъ (спасибо, что еще не умеръ), впредь до воды, „мертвой и живой“: по моей смерти или еще при жизни?

Сгоряча, по переѣздѣ въ Харьковъ, сперва пытался я *продолжать*: выпустилъ (по счету 14й) выпускъ собраній Кирѣевскаго (Богатыри старшіе, Святогоръ), заканчивалъ 7й выпускъ „Калѣкъ“ (ср. выше) и началъ 2й томъ Бѣлорусскій. Типографій, сколько-нибудь порядочныхъ на мѣстѣ здѣсь тогда не было: я отсюда началъ печатать въ Москвѣ, а всѣ знаютъ, каково печатать заглазно, за сотни верстъ, при моей кстати „щепетильности“ (какъ назовутъ), при „обязанности“ (какъ я понималъ—по уваженію къ народному слову) слѣдить за точностью текста до по-

слѣдней крайности, до буквы и значка въ шрифтѣ, откуда и эти корректуры—пять-шесть (чего стоитъ одна пересылка?) А я всегда „служилъ“: утро на службѣ и по хозяйству; корректура—лѣтъ 30—ведена ночью, при свѣчахъ и лампѣ... Глаза мои это извѣдали). Что же всего поразительнѣе: на 200.000 населенія, при четырехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, здѣсь *доселѣ* нѣтъ *мѣстнаго цензора* (учрежденія „казенныя“ не будутъ печатать *нашего*, да и неспособны къ тому; газета частнаго лица, руководящая всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, на просмотрѣ у губернскаго чиновника). До десяти листовъ печатать безъ цензуры въ провинціи нельзя: пожалуйте въ Кіевъ или Москву, то-есть (какъ въ моемъ дѣлѣ, и бывало, и требуется) не посылать черновыми листочками текста и примѣчаній прямо въ типографію къ набору, а *переписать экземпляръ цѣликомъ и набѣло* (чьими это руками?) и—начать процедуру пересылокъ, ожиданій, опасеній, пожалуй и отказовъ...Потерпѣлъ

я, потерпѣлъ и — отдалъ всю купленную бумагу въ уплату за „невыпущенный“ наборъ и тискъ московскій...

Начались для меня харьковскія блужданія съ квартиры на квартиру: самое прочное обезпеченіе коллекціямъ. *Библіотеку* — печатную и съ рукописями не прямо „пѣснотворческими“ дозволили мнѣ помѣстить въ университетѣ, при аудиторіяхъ, откуда и выдаю студентамъ, а на домъ беру лишь текущее для занятій. Но — мои „листочки“, эти пѣсни, стихи, псальмы и „всѣ сколько ихъ“ (а ихъ тысячи), эти укупоренные ящики и сундуки? Съ ними разстаться — хотя на короткое время — я уже не въ силахъ: перебираю и переглядываю, приписываю, дополняю въ каждый досужный часъ, — единственная моя отрада въ нихъ и награда за нихъ же. Итакъ, знаменитый темно-желтый чемоданчикъ на которомъ Кирѣевскій и спалъ, съ которымъ „возился“ и я не одинъ годъ, заслонился потомкомъ — отяжелѣвшимъ, тучнымъ. „Страховать“ его

жизнь нѣтъ разчета, вознаградить его нельзя, такого ужь не наживешь (послѣ 50 лѣтъ) и не воротишь, да и кто рискнетъ выдать полисъ? Пропажи вошли у насъ въ норму исторіи, и какъ нарочно — всему драгоцѣнному, и преимущественно народному („Слово о полку“, „Кирша“ и т. п.). У Кирѣевскаго пропалъ одинъ изъ лучшихъ отдѣловъ, подготовленный къ печати—„свадебный“; у меня цѣлый рядъ: бѣловой сборникъ текста моего, нотъ—по моему голосу—Одоевскаго; куча рѣдкостей, „по дружбѣ“ взятая С. А. Соболевскимъ для услуги „описанія“; помянутыя „ноты“—„дѣтскія“; экземпляры Рыбникова, послѣ уплаты ему, остававшіеся въ гонораръ, и т. д. Остальное, passim, урывками довершаютъ возчики и переносчики (по квартирамъ), даже пытаются мыши и насѣкомыя (замѣтивъ то, не въ первый разъ я переписываю листочки). А еще пожаръ — за стѣнами, и собственная смерть—за плечами. *

* Нерѣдко у насъ заявляются „открытія“ и „находки“ памятниковъ, произведе-

Почти съ отчаянія, рѣшался я не разъ: во что бы то ни стало, *печа-*

кій и самихъ лицъ писателей,—такія, которыми скорѣе напоминаютъ о возможной *гибели* или *пропажѣ* среди благодатной Россіи. Такъ, недавно распространился слухъ что кѣмъ-то „открыто и найдено" въ Румянцевскомъ Музеѣ (вѣроятно, по случаю пожара и невольнаго осмотра) *Собраніе Кирѣевскаго* въ рукописномъ и еще неизданномъ составѣ. И увы, виною сего лишь то что Безсоновъ не издавалъ ничего такого въ послѣднія 17 лѣтъ. Между тѣмъ изданное имъ, въ фоліантахъ *оригинала*, сдано въ подлежащія учрежденія, со ссылками на то, что еще не напечатано; то же повторялось Безсоновымъ въ печати; прочіе листочки рукописные, сгруппированные по отдѣламъ содержанія, *перенумерованы* Безсоновымъ, Елагинымъ, Соболевскимъ, а въ семъ видѣ *сданы* Безсоновымъ Елагину и Соболевскому, Соболевскимъ же—въ Румянцевскій Музей на храненіе, съ распискою ревностнаго хранителя А. Е. Викторова; отсюда же порою бралъ съ распискою (и возвращалъ) Безсоновъ для продолжавшагося изданія (до 1879 года). И *послѣ* всего этого что-то *открыто* и *найдено...* Великое спасибо нашедшему счастливцу. - Б.

таю! Библіотеку думалъ пустить въ закладъ, заложить какъ всякую движимость и, получивъ подъ вексель, деньгами подкупить какую-нибудь типографію на рискъ печати—очертя голову. Обращался для того, еще начавъ въ Москвѣ, къ соотвѣтственнымъ учрежденіямъ... Не то, чтобы смѣялись, а прямо столбенѣли: „да что̀ вы?.. Вотъ еслибъ у васъ хлопокъ, пряжа, мочала—другое дѣло, мы бы съ удовольствіемъ, и намъ разрѣшено, самую отвѣтственность за цѣлость мы оставляемъ тогда на лицахъ ищущихъ ссуды. А то—книги, да кто ихъ знаетъ? Вѣдь мы сами подъ контролемъ“... И все тому подобное, и законное...

Такъ вотъ, дрожишь себѣ за „цѣлость“, пугаетъ и шорохъ, и крикъ на улицѣ, и стукъ-звонъ пожарныхъ, и „глаголъ временъ—металла звонъ“ при порогѣ седьмаго десятка лѣтъ. Хорошо (!) было Гоголю: смѣло онъ жегъ *свое*, а тутъ не мое—даръ и достояніе цѣлаго народа, я самъ—

стражѣ и въ отвѣтѣ, на посту и часахъ.

Думаете ли вы, что этотъ лапотникъ, оборванецъ и лохмотникъ, въ подобіи картуза, пинджака и штановъ,—тотъ самый, что недавно былъ въ шляпѣ и синемъ кафтанѣ, „гусли подъ полой—подъ правою стороной?“ И недавній—тотъ ли, что жилъ-былъ за 30—40 лѣтъ (когда пѣлъ и записаны его пѣсни)? А минувшій въ эти лѣта былъ такой же, съ тѣми же мозгами и нервами, устами, словами и голосомъ, какъ Мининскій, Мареинъ, Твердиславовъ, Владиміровъ. Что на этомъ пространствѣ размыкано, поросло былью, „перекатилось полемъ“? А это, рукоплескаемое, царство фабрики, лѣниво уступающій кабакъ, спускъ просвѣщенія по лѣстницѣ куплетовъ и шансонетокъ, напѣвы казармы (которымъ такъ недавно самъ Драгоміровъ „воспретилъ на выстрѣлъ“ ходъ въ улицы и столицы); это броженіе — съ роднаго гнѣзда—по всей половинѣ Россіи на „заработки“ съ возвратомъ „по-

міру“; старый и новый Юрьевъ день, чтобы чрезъ переселенія наполнить обширную Сибирь? *Что* же и *сколько* этимъ унесено и унесется, по мѣрѣ, какъ выходцами брошена старая сельская церковь, заросли отцовскія могилы, порваны родныя связи, забыты дѣдовскія преданія, смолкъ голосъ пѣсни, звучавшій всюду? Слушать его нѣтъ уже досуга, повторять нѣтъ охоты въ русскомъ мірѣ *новомъ*! Гдѣ и что̀ будемъ мы „собирать“, откуда возьмемъ, если бросимъ и загубимъ взятое? На комъ за то отвѣтъ, и чѣмъ *замѣнимъ*, хотя бы *лучшимъ впредь*, утраченное *въ прошломъ*, какъ разбитыя скрижали

—

Мы рѣшили себѣ—*издавать*, то-есть прямѣе — изготовленное *печатать*, а начать-то—хотя бы съ самаго малаго. Типографіи хороши уже и въ провинціи; „мѣстные цензора“—не за горами, и—„соловьемъ залетнымъ“, соловьиною пѣснію народа оживится литература, пока

есть еще для того люди, не истощены послѣднія силы. Опытъ „прежній“, удавшійся, благословляетъ на грядущій: по прежнему, ждемъ отъ „*предварительной подписки*“; открывая ее теперь и довѣрчиво призывая добрую въ томъ помощь газетъ, во главѣ же ихъ „редакцію“, начертываемъ и самую *организацію* предстоящаго дѣла.

2007080090